

УДК 930.26

А.М. Илюшин

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ
КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Исследуются состав населения и разнообразные этнокультурные процессы на территории Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья. В основе исследования лежит анализ письменных, археологических и палеоантропологических источников.

Ключевые слова: этнокультурный процесс, археологические и антропологические источники.

Развитое Средневековье (XI–XIV вв.) – это один из наиболее интересных и сложных периодов в истории многих коренных народов Западной и Южной Сибири. Именно в это время активно протекали разнообразные этнокультурные процессы, которые предопределили ход этногенеза, формирования антропологического облика аборигенов, их выбора места проживания и, как следствие, сложение традиционной культуры и самих этносов. На эти процессы совокупно оказывали воздействие как объективные, так и субъективные факторы, определявшие ход истории на различных территориях Северной и Центральной Азии, а также конкретную этнокультурную и социально-политическую ситуацию каждого региона на этих просторах Евразии. Одним из таких регионов является Кузнецкая котловина, которая располагается на северной периферии Саяно-Алтая в междуречье Оби и её правого притока Томи. В силу своих специфических географических характеристик Кузнецкая котловина, богатая биологическими и геологическими ресурсами и окруженная с запада, юга и востока горами Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, была в определенной степени автономной территорией вплоть до появления здесь в XVII в. пришлого населения. Вероятно, географический и политический факторы во многом определяли направления и ход этнокультурных процессов, которые динамично развивались на территории Кузнецкой котловины в эпоху развитого Средневековья. Последние и являются объектом настоящего исследования, а в качестве предметов его познания выступают исторические, палеоантропологические и археологические материалы.

Основными источниками изучения этнокультурных процессов являются археологические и палеоантропологические материалы, так как средневековое население Кузнецкой котловины не имело письменности. Исторические сведения об их жизни сохранились лишь в арабских и китайских средневековых текстах. В частности, в первой книге «Собрания летописей» Рашид-ад-Дина повествуется о трёх племенах – урасут, теленгут и куштеми, проживавших в период развитого Средневековья в междуречье верховьев Енисея и Оби. При этом он дает их культурную характеристику: «...они хорошо знают монгольские лекарства и хорошо лечат монгольскими [способами]. Их также называют лесным племенем, потому что они обитают по лесам в пределах

страны киргизов и кэм-кэмджиутов... Однако [существует] много различий между одним лесным племенем и другим...» [1. С. 112–123]. Этот письменный источник, даже если к нему относиться критически, позволяет предполагать, что на территории Кузнецкой котловины в развитом Средневековье проживали, как минимум, три крупных этноса, социально организованных на уровне племен, каждое из которых имело свой этноним, территорию, структуру, самосознание и традиционную культуру.

Информация об археологических источниках развитого Средневековья Кузнецкой котловины в настоящее время обобщена на разных уровнях систематизации – артефакты (элементы-признаки), обряды, памятники, археолого-этнографические комплексы (АЭК), археологические культуры и историко-культурные общности [2]. В период развитого Средневековья на территории Кузнецкой котловины выделяют две археологические культуры – саратовскую и шандинскую, которые отражают специфические культурные традиции местного населения, являющегося составной частью басандайской историко-культурной общности [2. С. 110–126; 3. С. 91–94; 4. С. 25–27]. Саратовская археологическая культура (V–XIV вв.) в развитом Средневековье представлена одним АЭК погребенных по обряду кремации на стороне, который имел место и в раннем Средневековье на этой же территории [2. С. 81–96]. Шандинская археологическая культура (XI–XIV вв.) представлена двумя АЭК – погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня (XI–XIV вв.) и погребенных по обряду трупобожения на месте захоронения с тушей или шкурой коня (XIII–XIV вв.). Они появляются на территории Кузнецкой котловины лишь в развитом Средневековье [2. С. 97–108]. Эти совокупности артефактов отражают факт сосуществования на территории Кузнецкой котловины в XI–XII вв. двух, а в XIII–XIV вв. уже трёх этнических общностей. Сразу же обращает на себя внимание, что количество выделяемых по археологическим источникам АЭК в XIII–XIV вв. совпадает с количеством этносов, проживавших на этих территориях в монгольский период истории, описанных Рашид-ад-Дином. Но при этом более высокая степень обобщения археологических источников на уровне археологических культур свидетельствует о наличии двух крупных этносов – местного, вероятно самодийскоязычного (саратовская культура), и пришлого, однозначно тюркоязычного (шандинская культура). Фиксация факта сосуществования двух археологических культур на территории Кузнецкой котловины позволяет выйти на такой уровень систематизации артефактов, как историко-культурная общность.

Палеоантропологические источники по населению развитого Средневековья Кузнецкой котловины представлены исследованиями материалов погребальных памятников шандинской археологической культуры XI–XIV вв. – Новокамышенка, Камысла, Ур-Бедари-1, Усть-Канда-1 и Торопово-1 [2. С. 36–40]. Эти памятники являются составными частями АЭК погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня XI–XIV вв. и АЭК погребенных по обряду трупобожения на месте захоронения с тушей или шкурой коня XIII–XIV вв. При этом основная часть материалов палеоантропологических коллекций из этих памятников соотносится с археологическими ис-

точниками монгольского периода истории. Все исследователи, изучавшие материалы этих коллекций [5–9], отмечали, что они характеризуются наличием двух антропологических типов населения – местный мезокранный (с преобладанием европеоидных элементов) и пришлый брахикранный (с преобладанием монголоидных элементов), которые формируют еще не сложившийся метисный тип населения на территории Кузнецкой котловины. Сравнение вышеназванных палеоантропологических материалов с антропологическими материалами современных коренных жителей этого региона – шорцами и телеутами – подтвердило факт участия средневекового населения в этногенезе этих этносов [10–26]. Исследования по антропологии кумандинцев, тубаларов, шорцев и телеутов, проживающих на северной периферии Саяно-Алтая позволили объединить эти этносы в один своеобразный район на просторах Западной Сибири, который характеризуется специфическими, генетически схожими краниологическими признаками. При этом был зафиксирован факт, что наибольшая генетическая близость фиксируется между двумя коренными этносами Кузнецкой котловины – шорцами и телеутами, которые, вероятно, имеют общие корни и долгое время совместно проживали на одной территории [14. С. 198–211, 215].

Таким образом, все три предмета исследования указывают, что на территории Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья проживало несколько (2–3) крупных племен, которые находились в состоянии активного взаимодействия между собой. В качестве социально-политических факторов воздействия на ход этнокультурных процессов можно предполагать, вхождение территории Кузнецкой котловины в государство кыргызов в XI–XII вв., а с начала XIII в. и по XIV в. включительно – в государство монголов, улус Джучи, восточный Дашт-и-Кыпчак Золотой Орды.

Одним из наиболее ярких этнокультурных процессов развитого Средневековья на территории Кузнецкой котловины является факт миграции на эту территорию тюркоязычных кочевников. Этот процесс начался в XI в., когда на территориях Центральной и Средней Азии произошли важные политические события, имевшие большое значение в жизни племен кыпчакского объединения, обитавших на пути волны передвижения других кочевников и вследствие этого вынужденных включиться в ту цепь миграции [27. С. 178]. Именно в это время (XI–XII вв.) на территории Кузнецкой котловины фиксируется появление погребальных памятников тюркоязычных кочевников, а в последующее время (XIII–XIV вв.) их резкое увеличение, что напрямую связано с созданием империи монголов и включением этих земель в её состав. Миграция тюркоязычных кочевников на территорию Кузнецкой котловины и её вхождение в империю монголов, в свою очередь, стимулировали ряд других этнокультурных процессов.

В XI–XII вв. наблюдается активизация процессов этно- и культурогенеза. При этом роль каждого участника этих процессов была индивидуальной и специфической, в силу сложившихся для него в конкретный момент субъективных и объективных обстоятельств. В это время на всей территории Кузнецкой котловины продолжает доминировать местное население (саратовская культура), но в Кузнецком Присалаирье появляются новые этнографические

группы пришлого населения (шандинская культура), которые вступают в непосредственный контакт между собой. Это обстоятельство стимулирует два различных этнокультурных процесса. Первый процесс можно назвать внутри-этнической консолидацией, который наблюдается у местного населения. На это указывает единообразие традиционно-бытовой культуры, наблюдаемое в АЭК абorigенов, и её кардинальное отличие от традиционно-бытовой культуры АЭК мигрантов в XI–XII вв. [2. С. 97–108]. Вероятно, по причине миграции тюркоязычных кочевников абorigенное население для сохранения своего социального статуса и пространства, даже на уровне инстинкта самосохранения, стремилось укреплять свое единство, чтобы противостоять агрессии инородной этнокультурной среды. Можно не сомневаться, что у мигрантов в это же время имел место процесс этнической адаптации. Ведь мигрировавшие на новые территории тюркоязычные кочевники вынуждены были активно приспосабливаться к изменившейся природной и социально-культурной среде.

Вторжение мигрантов не изменило границы проживания абorigенного этноса, но в то же время положило начало в их среде процессу этнической сепарации, когда между отдельными частями единой этнической общности стали возникать условные границы и на одну из частей этноса стало распространяться иноэтническое влияние. Абorigены по-прежнему проживали на всей территории Кузнецкой котловины, но при этом явным становится его концентрация в пределах трёх локальных регионов (Кузнецкое Присалаирье, среднее течение р. Томь и юг Кузнецкой котловины), которые постепенно приобретают свои специфические черты, что указывает на начало процесса этнической сепарации. Именно на территории Кузнецкого Присалаирья наблюдается факт совместного проживания абorigенной группы населения и мигрантов на всем протяжении развитого Средневековья, что, в конечном счете, обусловило начало процессов межэтнической интеграции и аккультурации, которые привели к появлению у них в дальнейшем общих элементов и признаков в материальной и духовной культуре.

Процесс межэтнической интеграции по своему характеру был эволюционным и протекал естественно и постепенно, от военных стычек и конфликтов за территорию проживания до межэтнического и хозяйственно-культурного размежевания и создания единой этнокультурной общности. Можно предполагать, что сосуществование двух этносов, коренного и мигрировавшего, в северо-западных и западных землях Кузнецкой котловины, видимо, стало возможным не только по политическим (в монгольский период истории), но и по социально-экономическим причинам. Ведь хозяйственно-культурный тип абorigенов был комплексным и в значительной мере ориентирован на присваивающие формы хозяйства – охоту, рыболовство и собирательство, а мигранты были типичными кочевниками степей, занимающимися сезонным кочеванием. Это обстоятельство сохраняло за обоими этносами экономическую свободу и делало их равноправными партнерами в процессе межэтнической интеграции, задавая тон процессам этно- и культурогенеза.

Последние процессы в межэтнических отношениях абorigенов и мигрантов начинались как взаимная этническая аккультурация и ассимиляция. Проживая на одной территории, два этноса не могли не общаться и не кон-

тактировать между собой, что рано или поздно должно было привести к восприятию отдельных элементов культуры друг у друга. Вероятно, это обстоятельство и привело к появлению в XIII–XIV вв. нового АЭК погребенных по обряду трупобожения на месте захоронения с тушей или шкурой коня [2. С. 135]. Появление этого АЭК в местах совместного проживания аборигенного этноса и мигрантов отражает факт углубления процессов этнической интеграции и аккультурации между ними. На это указывает тот факт, что способ захоронения нового АЭК представляет собой комбинацию отдельных элементов, характерных для двух этнических общностей, проживающих в это же время на той же территории. Не исключено, что наблюдаемое явление отражает такой процесс, как этногенетическая миксация, который характеризуется смешением нескольких неродственных этносов или их частей, в результате чего возникает новый этнос. Появлению этого процесса способствовал широкий обмен культурными традициями между аборигенами и мигрантами, который имел место на протяжении двух предшествующих столетий в Кузнецком Присалаирье. По археологическим источникам это фиксируется на уровне появления одинаковых артефактов, захоронений и смешанных курганных могильников в АЭК аборигенов и мигрантов.

Подводя итог, можно констатировать наличие многогранных по своему содержанию этнокультурных процессов на территории Кузнецкой котловины в развитом Средневековье, которые во многом предопределили ход истории этого региона в предмонгольское и монгольское время.

Литература

1. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1.
2. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005.
3. Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого Средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОГУ, 1998. С. 91–94.
4. Илюшин А.М. Кузнецкая котловина в период развитого Средневековья (к вопросу об этногенезе тюркоязычных аборигенов Сибири) // Сибирские татары: Матер. I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: Изд-во ОГПУ, 1998. С. 25–27.
5. Gromov V.I. Das osteologische Material aus den Grabern an der mittleren Inja // ESA, V. Helsinki, 1930. P. 94–97.
6. Алексеев В.П. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным антропологии // КСИЭ. Вып. XXXV. М., 1960. С. 98–111.
7. Алексеев В.П. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // ИЛАИ. Кемерово: КемГУ, 1974. Вып. 5. С. 112–118.
8. Поздняков Д.В. Краниологические особенности средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок могильника Торопово-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. С. 333–336.
9. Поздняков Д.В. Антропологические характеристики средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок могильника Торопово-1) // Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. С. 186–207.
10. Алексеев В.П. К происхождению кумандинцев // Записки ГАНИИЯЛИ. Горно-Алтайск, 1964. Вып. 6. С. 53–58.
11. Алексеев В.П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 86–100.

12. Багаиёв А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993.
13. Багаиёв А.Н. Расовая дифференциация коренного населения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 148–169.
14. Багаиёв А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000.
15. Багаиёв А.Н., Ким А.Р. Палеоантропология о происхождении народов Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 270–286.
16. Дрёмов В.А. Краниологические данные о происхождении томских татар // Этногенез народов Северной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 146–148.
17. Дрёмов В.А. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. обл. конф. Омск: ОмГУ, 1979. С. 18–20.
18. Дрёмов В.А. Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья (И. Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск: ОмГУ, 1990. С. 52–72.
19. Дрёмов В.А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 67–84.
20. Дрёмов В.А. Обзор географической изменчивости признаков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 170–246.
21. Дрёмов В.А., Багаиёв А.Н., Ким А.Р. Заключение // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
22. Дрёмов В.А., Ким А.Р. Население северных предгорий Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 44–67.
23. Ким А.Р. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 151–163.
24. Ким А.Р. Материалы к краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 180–195.
25. Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
26. Ярхо А.И. Алтае-Саянские тюрки: Антропологический очерк. Абакан: Хакоблнаниздат, 1947.
27. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989.